

Новые направления исследований в психологии речи и психолингвистике

Н.Д.Павлова

Аннотация: Рассматриваются развивающиеся направления исследований дискурса, связанные с различными аспектами его организации и функционированием в социуме. Дается характеристика дискурсивного подхода, обсуждаются его возможности и перспективы на современном этапе развития науки и практики. Представлены оригинальные методические подходы и полученные на их основе новые данные, касающиеся интенционального пространства дискурса, взаимодействия собеседников, проявления личностных особенностей, приемов воздействия, моделируемой в дискурсе картины мира. Помимо общих вопросов организации и механизмов дискурса, анализируются его специальные виды, функционирующие в различных коммуникативных контекстах (политический, религиозный и др.), выходящие на дискурс проблемы социальной практики.

Ключевые слова: вербальная коммуникация, дискурс, интенции собеседников, интеракция, воздействие, метафорические модели действительности, аргументация, дискурс и личность, политический и др. виды дискурса, контент-анализ, интент-анализ.

Задача статьи – представление основных направлений исследований, проводящихся в последнее пятилетие в лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН, в контексте предшествующих разработок и современных тенденций развития научной области.

В течение длительного времени изучение речи в психологии и психолингвистике осуществлялось в рамках парадигмы, ориентированной на индивида и индивидуальные процессы. Это накладывало серьезные ограничения на понимание роли речи в общении. В последние годы акцент переносится на проблемы вербальной коммуникации, что предполагает проведение комплексных теоретических и эмпирических исследований дискурса, т.е. беседы, разговора, речи, «погруженной в жизнь» [12]. Помимо речи как таковой (собственно текста), в понятие «дискурс» включаются ситуационные, когнитивные, прагматические, социокультурные и другие факторы, участвующие в формировании дискурса и влияющие на его организацию [12, 22, 28 и др.].

Актуальность такого направления исследований определяется возрастающей ролью вербальной коммуникации в современном мире. В XXI веке человечество вступает в фазу, когда не только кардинально расширяются возможности дистантного речевого общения и изменяются его формы. Картина мира, создаваемая средствами массовой информации, как и виртуальный мир Интернета приобретают значение второй реальности. Влияние, которое это оказывает на жизнь человека и общества, дает основания говорить об эре нарастающих информационных потоков и, вместе с тем, об информационных технологиях и конструировании дискурсов как вехи времени.

Обращаясь к изучению речи в процессе коммуникации, мы полагаем, что на этом пути не только могут быть решены многие накопившиеся ранее проблемы, в частности важнейший вопрос о формировании речевого смысла. Психосоциальный подход, реализуемый в рассматриваемой области, позволяет получать данные, касающиеся использования языка в естественных жизненных ситуациях и взаимодействиях людей, что крайне важно для развития представлений о речи как инструменте социального поведения субъекта. Новые возможности открываются в изучении фундаментальных проблем речевого общения, интеракции, диалога, взаимосвязи средств и условий коммуникации. Большой интерес представляет изучение способов описания в дискурсе событий и фактов с целью оказания воздействия, анализ выраженных в нем культурно-символических, когнитивных, социально-психологических аспектов человеческой деятельности. Наконец, немаловажно и то, что исследования в рассматриваемой области позволяют вести практическую работу, связанную с оптимизацией вербальной коммуникации, решать задачи психологической экспертизы, обеспечения мер информационной психологической безопасности.

Дискурс изучается сегодня в психолингвистике, лингвистике, социальной психологии [22, 35, 45, 46, 57, 58, 59, 60]. Междисциплинарный характер исследований позволяет обращаться к темам, которые были скрыты прежде границами между дисциплинами, и эти темы так или иначе связаны с жизнью, с реальной разговорной практикой в разных условиях и социальных взаимодействиях.

Объединяя усилия многих наук, область остается ареной достаточно острой полемики различных школ и направлений [35, 38]. Однако, несмотря на обилие походов, выясняются общие предпосылки и основания проводимых исследований, в числе которых методология системного подхода (Б.Ф.Ломов, Э.Г.Юдин), исследования семантики текста (Н.И.Жинкин, Т. ван Дейк, Т.Н.Ушакова, В.Дресслер, П.Вундерлих), прагматические теории (Дж.Остин, Дж.Серль, П.Грайс), социальный конструкционизм (Р.Харре, Дж.Шоттер, К.Джерджен), этнометодология (Г.Гарфинкель, Г.Сакс). Можно говорить о целом комплексе идей, получивших распространение в рассматриваемой области. Так, утверждается представление о вероятностных зависимостях в смысловом пространстве дискурса, где первостепенное значение приобретают факторы ситуации и психологические характеристики общающихся сторон. Расширяется представление о системе знаний - «коммуникативной, или дискурсивной компетенции», которая необходима, чтобы включаться в речевое общение. Все более широко востребуется понимание дискурса как конституирующего элемента культуры, социальных отношений, образа Я и Других.

При обширности проблемной области, связанной со способностью человека говорить и осуществлять речевое общение, можно выделить два основных направления проводимых исследований. Это организация дискурса и дискурсивные процессы и тема «дискурс и социум». В рамках этих направлений в работах лаборатории в настоящее время делается акцент на изучении нескольких фундаментальных вопросов, в совокупности отражающих сложившиеся познавательные установки и тесно связанных с предшествующими исследованиями коллектива.

Организация дискурса и дискурсивные процессы

I. Большое внимание уделяется *изучению интенциональных оснований вербальной коммуникации*. Интенции, трактуемые нами в широком смысле как предметные направленности субъекта, образуют основу и глубинное психологическое содержание речи, которое непосредственно связано с целями деятельности и «видением мира» субъектом, его желаниями, нуждами, установками. Понимание говорящего во многом определяется восприятием именно интенционального аспекта речи.

Соответственно, без обращения к интенциональному плану дискурса невозможно уяснить не только, почему и зачем осуществляется коммуникация, но, что не менее важно, и ее результаты.

Исследования проводятся с позиций интенмент-анализа – психологического подхода к изучению интенций, который позволяет реконструировать стоящие за речью интенции коммуникантов и их влияние на организацию дискурса. Хотя изучение интенциональных аспектов речи осуществляется также с позиций других подходов (в первую очередь лингвистической прагматики, ориентированной на теорию речевых актов [47]), важной особенностью интенмент-анализа выступает его обращенность к аутентичным речевым материалам, таким интенциональным характеристикам, которые связаны с ходом коммуникации, практической деятельностью участников. Характеризуются не только типовые открыто выражаемые намерения (просьба, приказ), но и другие интенции (в том числе неосознаваемые), которые воспринимаются партнерами и составляют психологическую реальность коммуникации.

Теоретические и методические установки интенмент-анализа подробно рассмотрены в ряде публикаций [39, 48, 49]. При обращении к проблематике дискурса проведена большая работа, связанная с развитием метода и апробацией вариантов техники, пригодных для изучения разных его видов. Получили развитие техника интенмент-анализа диалога в условиях непосредственного непринужденного общения [23, 25], методики интенмент-анализа политического, педагогического, консультационного дискурса [29, 37, 39, 43, 44]. Разработаны также экспериментальные методики изучения понимания выражаемых в речи интенций, сочетающие процедуры экспертного интенмент-анализ дискурса и его субъективного шкалирования испытуемыми [7, 54, 55].

На этой методической основе ведется изучение интенциональных характеристик разных видов дискурса. Работа осуществляется по нескольким линиям.

Исследования, проводимые **Н.Д.Павловой**, связаны с изучением предвыборного политического дискурса [37, 43, 44, 49]. В цикле работ, выполненных в значительной части совместно с выпускницами ГУГН А.А.Григорьевой и Е.А.Песковой,

показана возможность моделирования интенционального пространства дискурса – совокупности иерархически организованных интенций и интенциональных структур, свойственных данной сфере коммуникации и составляющих ее основу. Интенциональное пространство, реконструированное на материале предвыборных выступлений политиков, включает: ведущие интенциональные направленности коммуникантов, их характерные составляющие, варианты конкретных интенций, получающих выражение в дискурсе. Так, одна из основных интенциональных направленностей политиков - на агитацию избирателя, в общем случае предполагает его привлечение, а также консолидацию и активизацию. Каждая из этих составляющих связана с набором интенций, которые регулярно, но с различной частотой проявляются в предвыборной ситуации (завоевать внимание, возбудить недовольство, побудить к действиям и пр.). В общей сложности, по результатам исследования, реконструировано более 50 интенциональных компонентов, обычных для предвыборных выступлений [37, 43, 44].

Обосновывается представление, что интенциональное пространство во многом определяет характер дискурса: используемые средства и способы выражения, приемы воздействия, круг обсуждаемых тем. Возможности понимания говорящего аудиторией также зависят от интенциональных особенностей коммуникации [44].

Так, показано, что предвыборные интенции политиков имеют своеобразную, присущую каждой из них речевую манифестацию. При этом отдельные вербальные единицы могут служить выражению не какой-либо одной, а нескольких, иногда многих интенций, что создает основу большой интенциональной выразительности. Начато экспериментальное изучение понимания предвыборных интенций политиков аудиторией. Выясняется, в частности, такой любопытный факт: с одной стороны, в восприятии слушающих интенциональный подтекст выступлений в известной степени редуцируется, с другой – обнаруживается нередко и его расширение. Очевидно, выступления как таковые составляют лишь часть предвыборной политической коммуникации; другая «фоновая» ее часть связана с интенциями, которые не облакаются в слова (получить личные выгоды, власть,

войти в элиту). Подобные интенции нередко осознаются слушателями, что расширяют восприятие ими интенционального подтекста выступлений. Эти и другие особенности понимания, свидетельствующие в целом о его генерализованном характере, анализируются с учетом способов выражения интенций, их места в интенциональной иерархии, частотности в дискурсе и пр. [44].

Следует отметить, что описание интенционального пространства предвыборного дискурса – результат, позволяющий характеризовать особенности конкретных выступлений. Их своеобразие проявляется в относительной выраженности четырех основных интенциональных направленностей кандидатов (на избирателя, на себя и своих сторонников, на политического оппонента, на окружающую действительность), в наборе конкретных интенций, которыми они представлены. Полученные данные способствуют также развитию методических средств интент-анализа в плане стандартизации процедуры и уточнения набора дескрипторов, используемых при квалификации интенций.

Если рассмотренные исследования обнаруживают интенциональные характеристики дискурса, связанные в первую очередь с предвыборной ситуацией, то исследования повседневного диалога, проводимые **И.А.Зачесовой**, выявляют интенции, соотнесенные в большей степени с личностной сферой коммуникантов, их отношениями.

Согласно полученным результатам, в повседневном бытовом диалоге, который считается базовой формой вербальной коммуникации, наиболее выражены интенциональные направленности на собеседника и на окружающую действительность. По соотношению этих ведущих направленностей и качественной специфике составляющих их интенций выделяются различные разговорные жанры: диалог-обсуждение, инструктивный диалог, диалог отношений и пр. Так, в инструктивном диалоге собеседники дают указания, требуют, напоминают и пр., тогда как для диалогов отношенческого плана обычны интенции поделиться переживаниями, поддержать, посоветовать [23, 25].

Наряду с изучением базовых интенциональных характеристик повседневного диалога и его разновидностей большое внимание уделяется процессуальному аспекту общения. Сопоставление интенциональных паттернов, репрезентируемых в последовательности реплик, обнаруживает, что интенции

собеседников определенным образом скоординированы. Не только стремления вступить в разговор, уточнить информацию, другие «простые» эксплицитно выражаемые интенции актуализируют сопряженные с ними устремления партнера; скрытая направленность на провоцирование, выяснение отношений также отреагируется, вызывая уклончивость, встречное провоцирование и пр. Случаи интенционального рассогласования реплик указывают на неверное или искаженное понимание собеседниками друг друга [27].

Примечательно, что само явление непонимания интенций партнера может иметь различную природу. Оно может быть обусловлено объективными факторами ситуации и возникающими помехами, но бывает связано и с «некооперативными» устремлениями партнеров. Исследования показывают, что в сфере повседневной семейной коммуникации случаи непонимания интенций партнера обычно относятся к добросовестному заблуждению. Они тут же устраняются корректирующими репликами или уточняющими вопросами. Непонимание, связанное с влиянием субъективных факторов, встречается нечасто, но сказывается на последующей организации разговора более существенно. Некооперативная направленность предполагает жесткое следование своим интересам, манипулирование собеседником, стремление настоять на своем. При этом обычны различные тактики ухода от ответа, такие как затягивание разговора, дополнительные вопросы, обращение к новой теме [27]. Разрабатывается аспект влияния на развитие диалога взаимоотношений собеседников. Выявлены характерные интенциональные паттерны и речевые структуры, связанные с отношениями типа доминирования / подчинения. Показано, что отношения, проявляющиеся в диалоге, часто не рефлексированы коммуникантами.

Специальное исследование посвящено организации детских диалогов. Выявлены ведущие интенциональные направленности маленьких собеседников и их изменения в ходе взросления. Обнаружена тесная связь развития содержательного плана детских диалогов с растущей направленностью на партнера и текущее взаимодействие [24, 26].

Характеризуя рассмотренные исследования диалога в целом, важно отметить, что проблема механизмов речевого

взаимодействия, на которую они выходят, актуальна сегодня в психологии речи, психолингвистике, социальной психологии. Анализ полученных в лаборатории результатов в контексте современного состояния области осуществлен в работе **Н.Д.Павловой** [42]. Аргументируется представление, что выражение и распознавание интенций является важнейшей составляющей речевого взаимодействия. Передача интенций служит необходимой основой взаимопонимания, координации действий, достижения целей говорящих. Развиваемый подход, который может быть назван интенц-анализом интеракции, обнаруживает движущие силы разговора, те актуальные смыслы, которые переживаются собеседниками и направляют их действия в ходе общения.

Своеобразная линия исследований интенциональной организации дискурса проводится **Т.А.Кубрак**. Она связана с попыткой характеризовать роль и особенности проявления в различных контекстах такой значимой интенциональной составляющей коммуникации, как самопрезентация. В рамках этой задачи в настоящее время осуществлен анализ интенциональной структуры дискурса в условиях психологического консультирования [29].

На материалах структурированного интервью (первичной беседы), показано, что в ситуации консультирования направленность на себя занимает центральное место в речи клиента, и основной линией самопрезентации выступает представление себя как человека больного, отягощенного большим количеством разнообразных проблем. Присутствует также самопрезентация по линии социально одобряемых профессиональных и личностных качеств. Одновременно более общей интенциональной направленностью дискурса является направленность на консультанта, стремление получить помощь. Именно эта направленность обуславливает характер самопрезентации и во многом определяет актуальное интенциональное состояние субъекта.

Детализация интенциональной структуры дискурса выявила направленные на себя интенции клиента: самооправдание, самообвинение, избегание ответственности. Наряду с Я клиента, обнаружены другие типичные референциальные объекты консультационного дискурса («другие люди», «болезнь»,

«психолог-консультант») и связанные с ними интенции: обвинение, атрибуция ответственности, принятие / непринятие, стремление не уронить себя в глазах собеседника. Показано, что эти и другие интенции связаны отношениями соподчинения и образуют достаточно сложную структуру. Построенная на этой основе общая модель дискурса психологического консультирования позволяет анализировать особенности конкретных случаев: в беседе с разными клиентами на первый план выходят одни интенции и нивелируются другие.

Осуществлено сопоставление интенциональной структуры консультационного дискурса с политическим, в котором интенция самопрезентации также занимает центральное место [43, 49]. Начато изучение научного дискурса, где эта направленность имеет иную выраженность и своеобразное проявление.

Сотрудниками лаборатории выполнены и другие исследования, связанные с изучением интенционального аспекта дискурса. **Л.А.Шустовой** осуществлен анализ особенностей понимания интенций детей работающими с ними взрослыми (воспитателями и психологами). Выявленное в экспериментальных условиях влияние профессионального опыта, знаний и навыков субъекта на понимание им интенционального подтекста речи играет определенную роль и в естественных коммуникативных ситуациях [54, 55]. **Н.А.Алмаевым** (совместно с Н.И.Градовской) проведено исследование понимания интенций и субъективной оценки художественных текстов [7]. В связи с практическими задачами психологической экспертизы **В.А.Цепцовым** и **К.И.Алексеевым** ведется разработка процедур и показателей для квалификации и оценки материалов, имеющих общественно-политическое звучание и затрагивающих темы терроризма, национализма и экстремизма.

Подытоживая рассмотрение данного цикла исследований, можно констатировать, что полученные результаты позволяют продвинуться в уяснении роли выражения и понимания интенций в вербальной коммуникации. Интенциональные направленности субъектов предстают как одна из важнейших детерминант формирования и организации дискурса. Они составляют его психологическую основу и во многом определяют, что именно и каким образом говорится, как протекает взаимодействие с собеседником или аудиторией.

II. Интенциональные характеристики дискурса тесно связаны с ситуацией и осуществляемой практической деятельностью и, вместе с тем, с личностной сферой коммуникантов. Закономерным развитием линии исследований в аспекте темы «дискурс и личность» служит *изучение проявления личностных особенностей субъекта, черт темперамента и характера в речевой продукции.*

Исследования этого вопроса проводятся **Н.А.Алмаевым** в русле разрабатываемой им психологической теории значения [6]. С позиций этой теории значение понимается как характеристика любого переживаемого состояния психики, которое может выражаться в самых различных формах: вербальной, интонационной, музыкальной. Предпринимается попытка гомогенизации области изучаемых феноменов с помощью дескриптивных понятий, применимых к любому из подобных феноменов. В качестве основных выступают понятия интенциональных модификаций внутреннего времени сознания, психической энергии и др., опирающиеся на концепцию интенциональности в феноменологии Э.Гуссерля. С помощью разработанных дескриптивных характеристик строятся модели конкретных феноменов (грамматических значений; значений, связанных с высотно-темпоральными параметрами речи и пр.), которые затем проверяются эмпирически [6].

Применяя разработанные теоретические средства к исследованию проявления в речи психологических особенностей субъекта, Н.А.Алмаев сопоставляет результаты, получаемые различными, независимыми друг от друга методами. Им обоснован подход, который предполагает одновременное предъявление контент-аналитических и тестовых заданий, направленных на измерение одних и тех же конструктов. Актуальность такого направления исследований определяется тем, что шкалы контент-анализа не имеют тех средств проверки внутренней согласованности, которые существуют для шкал опросников, основанных на самоотчете.

В проведенном эмпирическом исследовании получены данные о величине и характере связи между результатами контент-анализа автобиографических рассказов и личностных опросников (тест ТСИ Клонинджера и ОФДСИ В.М. Русалова) [10]. Осуществлена оценка влияния на результаты психологических защит, регистрируемых тестом Плутчика-Келлермана [11]. Получены данные о влиянии

личностных свойств на формальные речевые характеристики (количество слов, длина предложений и др.) [9].

В целом проведенные корреляционные исследования показали весьма низкую согласованность одноименных шкал контент-анализа и тестов при многообразии небольших, но статистически значимых и содержательно интерпретируемых связей между другими шкалами. Это свидетельствует о том, что одни и те же феномены по-разному проявляются в свободных рассказах и при заполнении опросниковых тестов. Выполнение тестовых заданий - сложная и специфическая деятельность, результаты которой подлежат углубленному анализу с привлечением новых, в частности, психолингвистических средств. Вместе с тем, полученные результаты позволяют критически оценить практику использования контент-анализа в психодиагностике. Выясняется необходимость новых подходов и иных статистических показателей, нежели простая количественная выраженность контент-аналитических категорий в единицах текста [5, 8]. Экспериментально показана решающая значимость нахождения категорий ближе к окончанию рассказа [6]. Предложены оригинальные шкалы контент-анализа («Контроль», «Целеполагание» и др.) и шкалы, максимально приближенные по значению к шкалам теста Клонинджера. Разработана новая методика контент-анализа, основанная на определении вероятности совместной актуализации тем по их взаимному расположению в продуцируемой речи.

Результаты проведенных исследований получили отражение в выполненных под руководством Алмаева дипломных работах, а также в защищенной в 2005г. кандидатской диссертации Г.Ю.Малковой. Публикуется монография, в которой обосновываются методология и методический аппарат исследований и обобщаются данные, полученные в рамках разрабатываемого направления [6].

III. В изучении дискурса большое значение имеет *исследование влияния коммуникативного контекста на организацию речи*, психологические процессы, связанные с ее подготовкой и планированием. Эта линия исследований реализуется **В.А.Цепцовым**. С позиций разрабатываемого подхода коммуникативные переменные столь же важны для понимания речевых процессов, как и внутривнутрипсихические.

В серии экспериментов, опирающихся на предложенную Цепцовым модель письменной речи, в качестве макроконтекстной переменной рассмотрена функция адресата [50, 52]. Применялась процедура разделенного планирования и написания текста, что позволило получить данные о влиянии адресата на сенсорные, фонологические и моторно-речевые процессы при выполнении сложных задач планирования и письма на родном и иностранном языках. Показано, что влияние адресата зависит от степени информированности о нем. Получены данные об особенностях планирования высказываний в визуальной и вербальной модальности, оценено влияние задачи письма на суб-процессы письменной речи. Вместе с тем, разработанный подход, основанный на микроструктурном анализе речевых операций и действий, позволил оценить воздействие на речь фонологической и визуальной интерферирующей задачи. По результатам исследования, интерференция образной информации оказывает негативное влияние на этапе речевого планирования, в то время как интерференция вербального материала затрудняет операции линеаризации и оценки.

Проведено сравнительное изучение аргументации и повествования, обнаружившее влияние жанровых особенностей дискурса на процессы планирования и написания [51, 53]. Показано, что нарративный жанр требует бóльших ресурсов на этапе планирования, в то время как аргументативный – на этапе написания. Выявлены типологические особенности аргументации по критерию времени реакции: линейная, иерархическая и субъектная организация причинно-следственной структуры аргументации являются устойчивыми характеристиками индивидуального письма.

Обобщая результаты проведенных исследований, Цепцов разрабатывает когнитивную модель аргументации, учитывающую особенности обработки информации в дискурсе. В рамках совместного американо-франко-российского проекта им адаптирована методика «Скрипткелл», предназначенная для экспериментального изучения процесса письма [52]. Разработана также авторская модификация методики «Тройной задачи», которая делает возможным измерение когнитивного усилия, связанного со вспомогательными речевыми процессами планирования, текстуализации и проверки.

Дискурс и социальная реальность

Большое место в проводимых исследованиях занимает тема «дискурс и социум». Коммуникация не является только каналом передачи сообщения, его бесстрастным проводником. Дискурс выступает конституирующим элементом культуры, социальных отношений и представлений. Функционируя в определенном социальном пространстве, он отражает особенности разных сфер жизни, социальные процессы, происходящие в обществе.

IV. К изучению социальных аспектов дискурса обращен цикл работ **К.И.Алексеева**, в которых осуществляется *реконструкция картины мира, задаваемой в дискурсе* средствами метафоры. На основе разрабатываемой психологической модели метафоры Алексеев анализирует динамику метафорических моделей действительности в предвыборном политическом дискурсе, особенности картины мира, задаваемой в дискурсе религиозных объединений.

Данные о частоте встречаемости в политическом дискурсе различных метафор выявили изменения способов концептуализации политической действительности. Если наиболее частотной метафорической моделью выступлений времен перестройки была метафора войны — политическая жизнь страны осмыслялась как ведение военных действий, то с изменением политических реалий отмечается широкое использование метафорических моделей пути и строительства, что ориентирует на поэтапность реализации выдвигаемых программ и достижения целей. Выделены основные группы концептуальных векторов, используемых при характеристике политической действительности в 1991–2000 гг. (векторы естественности и непрерывности развития, соперничества и др.). На материале предвыборных кампаний последних лет показано, что, несмотря на изменения в частоте и типах метафорических моделей, общая концептуальная направленность дискурса сохраняется: в картине политической действительности подчеркивается четкость и отлаженность происходящих процессов, положительный характер изменений и контроль над ними. В предвыборном дискурсе осени 2003 г. такая картина задается метафорическими моделями Геометрии, Движения и Механизма, которые являются наиболее частотными. В предвыборном дискурсе

весны 2004 г. эта же картина задается метафорическими моделями Движения и Пути [3, 4].

Осуществлен сравнительный анализ метафор дискурса религиозных организаций, с помощью которых задается репрезентация таких составляющих картины мира, как "общество", "церковь", "человек". Результаты показывают, что дискурс Христианской церкви "Новое поколение" отличает употребление метафорических моделей, задающих полярную картину и противопоставление "общества" и "церкви". При характеристике людей, пребывающих и не пребывающих в церкви, используется такое же противопоставление: люди, не находящиеся в церкви, испытывают отчаяние на краю гибели; люди, пришедшие в церковь, обретают спасение. Подобная картина мира позволяет отнести данную организацию к типу сектантских. В дискурсе Русской православной церкви противопоставление общества и церкви отсутствует: церковь не отделяется от общества и не замкнута в самой себе.

На материале психологического дискурса начато изучение метафоры в науке. Ведется дальнейшая разработка теоретических средств анализа репрезентации действительности в дискурсе, для чего привлекаются теория знания М.А.Розова и более общая теория социальных эстафет [2]. В целом проведенные исследования приводят к выводу: метафора не только обычное средство языковой выразительности, она является средством концептуализации мира, причем соответствующие представления могут инкорпорироваться как в обыденное сознание, так и в научные психологические теории [1].

V. К рассматриваемому направлению относятся также разноаспектные *исследования речевого воздействия*, которые проводятся **В.В.Латыновым**.

Изучаются децептивные (связанные с преднамеренным сокрытием или искажением информации) приемы воздействия, закономерности и детерминанты их использования. С помощью адаптированной на российской выборке методики «Тактики воздействия» Д.Кипниса показано, что децептивные тактики активно используются работниками отечественных организаций, особенно в ситуации взаимодействия с лицами равного или более высокого организационного статуса. В качестве основных детерминант децептивной коммуникации выявлены такие

индивидуальные особенности субъекта, как уровень морального развития, маккиавелизм, ориентация на экономические и политические ценности. Значимую роль играют также ситуативные и социо-культурные факторы: атмосфера конкуренции, ориентированность руководства компании исключительно на результат, стирание этических норм, аморальные поступки сослуживцев. Установлено, что на использование децептивных приемов влияют величина психологической дистанции, асимметричность и другие особенности межличностных отношений.

Специальное исследование посвящено изучению объяснений и оправданий, используемых людьми для того, чтобы ввести совершенный поступок в круг социально ожидаемых и культурно приемлемых форм поведения [32]. Показано, что способы объяснения неэтичного поступка влияют на оценку окружающими как самого поступка, так и лица его совершившего. Выявлены наиболее эффективные в плане формирования позитивного впечатления о субъекте и его поступке дискурсивные приемы описания неэтичного поступка. Обнаружено влияние личностных особенностей на восприятие этически неоднозначных ситуаций.

Наряду с этим, проводятся исследования дискурса массовой коммуникации, воздействия транслируемых СМИ представлений и оценок на аудиторию [31, 33, 34]. С использованием авторской методики экспликации ментальных карт [30] проанализирован значительный массив публикаций в молодежной прессе, что позволило реконструировать транслируемые СМИ этнические гетеростереотипы. Выявлены закономерности, касающиеся масс-медийного портрета различных этнических групп. Начато изучение влияния освещения фактов и событий в СМИ на процесс принятия субъектом ответственных решений.

VI. Не менее актуальное звучание имеют *исследования дискурсивной практики в сфере обучения и воспитания*, которая привлекает возрастающее внимание общества и во многом подвергается реформированию.

Особенности обучающего дискурса – область исследований **Л.А.Шустовой**. В ее работах последнего времени основной акцент делается на анализе обучающего диалога как формы общения, которая признается оптимальной для развития коммуникативных навыков, личностного роста и усвоения знаний. Ставилась задача

исследовать, как реально организуется диалог в практической работе с подростками [55].

По результатам экспертной оценки, менее четверти диалогов, проведенных опытными преподавателями и психологами с группами подростков, могут быть признаны эффективными. Для таких диалогов характерна открытая партнер-ориентированная позиция, интерес к личности собеседника, активное ответное понимание. В большинстве случаев, однако, либо преобладают жесткие, агрессивные оценки, выражена направленность на дискредитацию занятия и собеседников, что приводит к возникновению коммуникативных конфликтов и становится деструктивным. Либо диалог развивается по существу по монологическому сценарию: инициатор общения порождает исходный текст-стимул и одновременно определяет допустимые способы реагирования на него для остальных участников, которые выступают уже не в роли равноправных партнеров, но, главным образом, как объект воздействия. В результате действий инициатора диалог приобретает во многом формальный и внешний характер.

В целом проведенные исследования показывают, что диалог достаточно активно используется в практике обучения и воспитания, однако, уровень диалога, его качество и объём задач бывают различными. В целях совершенствования диалогического общения и его объективной оценки предлагается разграничить 4 уровня обучающего диалога, каждый из которых отличают свои условия реализации, ведущие интенции, ролевые позиции и пр. [56]. Если первые два уровня предполагают активность участников в рамках, заданных диспозициями и ожиданиями ведущего, и, соответственно, могут быть названы диалогом лишь с известной мерой условности, то, достигая третьего и особенно четвертого уровня, общение становится подлинно диалогическим. Реализуется свободный обмен мнениями, стремление понять собеседника, ответственное отношение к характеру и результатам общения.

Помимо выявления особенностей обучающего дискурса и анализа разных его форм, ведется разработка рекомендаций по оптимизации диалогического общения в практической работе с подростками. Предложены тренинги речевого общения для детей и работающих с ними специалистов. Обобщая многолетний опыт практической деятельности, Шустова готовит методическое

пособие, одной из центральных задач которого является описание качественной специфики обучающего дискурса и поиск путей взаимообогащения разных его форм.

VII. В самое последнее время в связи с расширением состава лаборатории и включением в нее группы под руководством А.Н.Воронина начато *изучение дискурса глобальных сообществ* – проблемы, актуальность которой определяется нарастанием процессов глобализации в современном мире. Тесно связанная с современными возможностями коммуникации и новыми формами дистантного речевого общения тема представляет большой интерес как в плане организации дискурса, так и в плане психологической характеристики общающихся сторон.

Ставится задача изучения способностей членов глобальных сообществ и их проявления в межличностном взаимодействии в зависимости от личностных особенностей коммуникантов. Основная идея, развиваемая **А.Н.Ворониным**, заключается в том, что психо-социальные параметры коллективных социальных субъектов глобальных сообществ не зависят существенно от локализации в мире, от доминирующей в данной местности культуры, от этноса и пр., но связаны с психологическими способностями участников, атрибутами сообществ и социальной средой.

Исследования, начавшиеся в текущем году, осуществляются по двум основным линиям. Первая ориентирована на изучение взаимосвязей между личностными особенностями человека, его микросоциальным окружением и развитием способностей. При этом рассматриваются три группы способностей: обусловленные включенностью в глобальные сообщества, духовные и дискурсивные. Вторая линия исследований связана с выяснением влияния уровня развития способностей на проявление личностных особенностей в различных ситуациях интерперсонального взаимодействия. Выделяются наиболее существенные и информативные психологические характеристики, изучается их структура, выявляются факторы, лежащие в основе индивидуально-психологических различий, и их связь с включенностью в сообщества глобализации.

В перспективе исследований - характеристика особых дискурсов коллективных субъектов сообществ глобализации и связанного с ними процесса индоктринации.

Следует отметить, что обращение к проблеме способностей членов глобальных сообществ явилось естественным продолжением многолетних исследований сотрудников группы в области психологии и психодиагностики познавательных способностей и личностных особенностей человека.

В предшествующие годы под руководством А.Н.Воронина проведено масштабное исследование интеллекта и креативности в условиях межличностного взаимодействия. Обобщение полученных результатов позволило разработать концепцию совместной интеллектуальной деятельности, составившую основу защищенной им в 2004 году докторской диссертации [14].

Ворониным предложены модели проявления интеллекта и креативности в совместной интеллектуальной деятельности: модель оптимального проявления интеллекта и креативности, модель взаимосвязанности типов интеллекта и креативности. Выявлены закономерности влияния сходства/контраста личностных особенностей участников совместной интеллектуальной деятельности на уровень проявления и развития интеллекта и креативности, а также взаимовлияния различных видов интеллекта и креативности в зависимости от типа ситуации [14, 15].

Определена типология ситуаций межличностного взаимодействия и предложена обобщенная модель "интеллектуального диапазона", объясняющая проявление познавательных способностей в зависимости от типа ситуации и уровня развития интеллекта. Разработана имплицитная теория креативности как структуры конструкторов, связанных с восприятием и оценкой креативных проявлений у себя и других людей.

Исследования влияния уровня развития интеллекта и креативности на проявление личностных особенностей в различных условиях интерперсонального взаимодействия осуществлялись **Н.А.Габриелян** [17, 18]. Ею показано, что в различных ситуациях (тренинг, деловая игра, аттестация) интеллект и креативность выступают модераторами поведения и модифицируют личностные особенности человека. Специальному изучению подвергнута ситуация когнитивного проблемно-ориентированного консультирования, в которой указанные зависимости имеют более тонкий характер: инициировались различные варианты межличностных взаимоотношений и взаимодействий между

клиентом и консультантом и в зависимости от типа взаимодействия и уровня интеллекта прослеживались происходящие личностные изменения. Проведенные исследования позволили детально описать различные ситуации интерперсонального взаимодействия, релевантные изменениям познавательных способностей и личностных особенностей. По результатам работы к выпуску готовится монография.

Ресурсная модель общего интеллекта предложена **Н.Б.Горюновой**. Центральным в модели является понятие когнитивного ресурса, рассматриваемого в качестве количественной характеристики когнитивной системы. Когнитивный ресурс обеспечивает активное создание репрезентаций (моделей) в мысленном плане при решении когнитивных задач разного типа. Эмпирически были верифицированы следующие дескрипторы: показатели сенсорной памяти, время реакции выбора из множества вариантов, мерность когнитивного пространства [19, 20, 21].

Исследования дифференциально-психологической направленности проводились **С.Д.Бирюковым**. Им реализован комплексный подход к изучению структур и детерминант индивидуально-психологических различий, основанный на сочетании методов психогенетики и дифференциальной психологии. На больших выборках, репрезентирующих население различных регионов страны, показано, что комплексный анализ индивидуально-психологических различий демонстрирует выраженную специфику, обусловленную принадлежностью психометрических показателей к разным уровням индивидуальности, и дает возможность содержательной интерпретации процесса социализации. Высокие показатели тест-ретестовой надежности показателей психометрического интеллекта сочетаются с выраженной динамикой средних значений, полученных методом поперечных срезов в течение шести лет.

Содержательный анализ показателей систематической среды позволил выделить факторы, характеризующие слабо коррелирующие аспекты: домашнюю среду и специфику внутрисемейных отношений. Выявлена половая специфика связей показателей интеллекта с выделенными средовыми параметрами. Показано, что половой диморфизм психологических признаков, традиционно оцениваемый по результатам сопоставления средних

значений и дисперсий, проявляется в особенностях сопряжения индивидов с систематической средой и корреляционных связях с независимыми критериями. Личностные характеристики более чувствительны к параметрам семейной микросреды, чем показатели психометрического интеллекта [13].

Завершая рассмотрение основных линий проведенных исследований, можно констатировать: осуществлено развитие теоретических подходов и методических средств изучения дискурса. Получены новые данные к характеристике интенциональных оснований дискурса, взаимодействия собеседников, проявления личностных особенностей, процессов подготовки речи, структуры аргументации и используемых приемов воздействия, моделируемой в дискурсе картины мира. Материалы касаются разных видов дискурса и обнаруживают особенности коммуникативной практики в разных сферах жизни – повседневно-бытовой, политической, деловой, религиозной, в сфере обучения и воспитания. Положено также начало изучению особых дискурсов глобальных сообществ и дискурсивных способностей – способностей, связанных с формированием и целесообразным использованием дискурса.

В заключение несколько общих замечаний.

Коллегам, знакомым с работой лаборатории, нетрудно заметить, что представленные исследования являются закономерным развитием исследований предшествующих лет и, вместе с тем, знаменуют новый этап деятельности коллектива. С исследований, ориентированных на изучение природы речи и ее механизмов, разработку модели речемыслительной деятельности, акцент переносится на проблемы вербальной коммуникации, анализ дискурса. Именно дискурс в последние годы стал важным объектом исследований психологов, лингвистов, социологов.

Дискурсивная парадигма, как мы надеялись показать, открывает новые возможности изучения области. Речь, которая долгое время исследовалась в общепсихологической парадигме как индивидуальный психический процесс, раскрывается в ее включенности в реальную коммуникативную практику. Через речь осуществляется межличностное взаимодействие, оказываются воздействия, реализуется власть, достигаются цели коммуникантов.

Многие сферы человеческой деятельности вообще имеют преимущественно дискурсивный характер. Так, политики, используя язык и речь, способны трансформировать общество. Политический дискурс может воодушевлять, консолидировать, сеять вражду, внушать оптимизм, или, напротив, приводить в отчаяние. Изучение дискурса позволяет уяснить не только смысл и действительное назначение речи, но и происходящие социальные процессы. По существу все многообразие форм социальной жизни можно рассматривать как совокупность дискурсивных практик.

Следует отметить, что разработка психологической проблематики дискурса отвечает усиливающейся тенденции обращения науки к реальному человеку, естественным жизненным ситуациям. Вместе с тем, поскольку это междисциплинарный объект, расширяется сфера контактов со смежными дисциплинами, а также отраслями психологии. Тематика исследований включает, наряду с проблемами общей психологии, вопросы социальной и педагогической психологии, психодиагностики, психологии личности и развития. Тем самым создаются условия для широкого и многообразного применения получаемых данных и, что не менее важно, открываются новые темы, которые были скрыты границами, пролегающими между областями знаний.

Все это делает изучение дискурса весьма актуальным и перспективным, хотя и очень сложным. Ведь, несмотря на растущее число работ, позволяющее говорить о происходящем в науке «лингвистическом или дискурсивном перевороте» [57], ни общей методологической базы, ни концептуального аппарата дискурс-анализа не выработано. Не только различные виды дискурса, но и процессы его формирования и структурно-функциональные особенности во многом остаются неизученными.

Представляется, что основой интеграции различных аспектов проводимых исследований могут служить принципы системной методологии, органично сочетающиеся с дискурсивным подходом [36], а также ломовская категория общения. Субъект-субъектная парадигма составляет альтернативу представлению о речи как *инструменте* общения (субъект-объектная парадигма), что применимо в исследованиях речи «как таковой», но недостаточно при обращении к вербальной коммуникации [41]. С позиций, акцентирующих момент взаимодействия, межсубъектный характер общения, возможно продвижение в понимании природы дискурса,

изучение тех процессов, которые определяют его формирование и функционирование.

В дальнейшем предполагается продолжить работу по наметившимся основным линиям, ряд которых, как отмечалось, находится в самом начале. Одновременно актуальной становится задача разработки новых подходов и теоретических средств, способствующих формированию многоуровневой модели дискурса взамен существующих одноуровневых. Различные планы дискурса - личностный, ситуационный, интенциональный, интерактивный, тесно взаимосвязаны между собой, и требуется дальнейшая глубокая разработка и обобщение результатов. Появятся, вероятно, и новые темы, актуальность которых определит развитие информационных технологий и возникающие формы дискурсивной практики.

Список литературы

1. *Алексеев К. И.* Метафора в научном дискурсе // Психологические исследования дискурса. М., ПЕР СЭ, 2002.
2. *Алексеев К.И.* Представления о реальности в психологии в свете теории социальных эстафет // На теневой стороне. Новосибирск; Сибирский хронограф, 2004 (1 а.л.).
3. *Алексеев К.И.* Метафорические модели действительности в предвыборном политическом дискурсе/ Проблемы психологии дискурса. Отв. ред. Н.Д.Павлова, И.А.Зачесова – М.; Изд-во «Институт психологии РАН», 2005, с. 135-147.
4. *Алексеев К.И.* Динамика метафорических моделей действительности в предвыборном политическом дискурсе /Общение и познание (колл. монография) - М.; Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 0,7п.л. (сдано в печать).
5. *Алмаев Н.А.* Конетент-анализ в психологических целях: некоторые концептуальные проблемы. // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. Москва-Баранаул, 2004. С.102-112.
6. *Алмаев Н.А.* Элементы психологической теории значения. М., Изд. ИП РАН, 2006.
7. *Алмаев Н.А., Градовская Н.И.* Субъективное шкалирование и контент-анализ в оценке эмоционально-аффективной компоненты дискурса. // Психологические исследования дискурса. М., ПЕР СЭ, 2002 (0,6 п.л.).
8. *Алмаев Н.А., Малкова Г.Ю., Селяева Е.В.* Группировка и кластеризация семантических категорий и тем в литературном произведении // Психология высших когнитивных процессов. Отв.

- ред. Т.Н.Ушакова, Н.И.Чуприкова. М., Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
9. *Алмаев Н.А., Кубрак Т.А.* Связь личностных черт и некоторых формальных характеристик рассказов, полученных по инструкциям Готтшалка и Адлера / Проблемы психологии дискурса. Отв. ред. Н.Д.Павлова, И.А.Зачесова. М.; Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 62-73.
 10. *Алмаев Н.А., Островская Л.Д.* Адаптация опросника темперамента и характера Р.Клонинджера на русскоязычной выборке // Психологический журнал, 2005. Т. 26, №6. С. 77-86.
 11. *Алмаев Н.А., Малкова Г.Ю.* Оценка психометрических свойств теста «Индекс жизненного стиля» Плутчика-Келлермана // Вопросы психологии (в печати).
 12. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс /Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С.136.
 13. *Бирюков С. Д.* Традиционные маркёры одаренности: дифференциально-психиологический анализ структуры показателей // Интеллект и креативность в ситуациях межличностного взаимодействия. М.: ИП РАН, 2001.
 14. *Воронин А.Н.* Интеллект и креативность в межличностном взаимодействии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004, 270 с.
 15. *Воронин А.Н.* Интеллектуальная деятельность: проявление интеллекта и креативности в реальном взаимодействии / Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т.3, №3. С.35–58.
 16. *Воронин А.Н., Трифонова И.Г.* Влияние сходства/контраста личностных особенностей учителя и ученика на изменение уровня различных компонентов креативности учащихся // Психол. журн. № 6, 2002.
 17. *Габриелян Н.А., Воронин А.Н.* Интеллект как модератор проявления личностных особенностей в ситуациях группового взаимодействия // Интеллект и творчество: сборник научных статей. М.: Изд-во Института психологии РАН. 1999, с.49-60.
 18. *Габриелян Н.А.* Влияние интеллекта на личностные особенности в ситуации проблемно-ориентированного консультирования. В кн.: Дружининские чтения. Тез. V Всероссийской научно-практич. конф. Сочи, 2006, с.51-54.
 19. *Горюнова Н.Б., Дружинин В.Н.* Операциональные дескрипторы ресурсной модели общего интеллекта // Психол. журн. 2000. Т. 21, № 4, с. 57-64.
 20. *Горюнова Н.Б., Дружинин В.Н.* Операциональные дескрипторы когнитивного ресурса и продуктивность решения тестовых задач и задач-головоломок // Психол. журн. 2001. Т.22, № 4, с. 21-29.

21. Горюнова Н.Б. Роль когнитивных ресурсов в управленческой деятельности // В кн.: Дружининские чтения. Тез. V Всероссийской науч.-практ. конф. Сочи. 2006, с. 235-240.
22. Дейк ван Т.А. Принципы критического анализа дискурса. / Перевод и лингвистика текста. М., 1994. С.169-217.
23. Зачесова И.А. Интенциональные особенности речи в непринужденном общении. // Психологические исследования дискурса. М., ПЕР СЭ, 2002.
24. Зачесова И.А. Возрастные особенности детского непринужденного общения. // Теоретические и прикладные коммуникативные исследования. Отв. ред. Стернин И.А., Степанов В.Н. Ярославль, 2003.
25. Зачесова И.А. Особенности речи в непринужденном семейном общении // Теоретические и прикладные коммуникативные исследования. Отв. ред. Стернин И.А., Степанов В.Н. Ярославль, 2003.
26. Зачесова И.А. Возрастные особенности ведения разговоров детьми / Проблемы психологии дискурса. Отв. ред. Н.Д.Павлова, И.А.Зачесова. М.; Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С.113-135.
27. Зачесова И.А. Особенности взаимопонимания в семейном диалоге /Общение и познание (колл. монография). М.; Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 1 п.л. (сдано в печать).
28. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Дейк ван Т.А. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.
29. Кубрак Т.А. Самопрезентация субъекта. Состояние проблемы и дискурсивный подход к изучению / Проблемы психологии дискурса. Отв. ред. Н.Д.Павлова, И.А.Зачесова. М.; Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С.180-195.
30. Латынов В.В. Разработка формализованных методов анализа представлений о социально-политической реальности (на материале текстов СМИ) // Когнитивная психология. М., 2003.
31. Латынов В.В. Формализованный метод анализа политических представлений, выраженных в текстах СМИ / Психология высших когнитивных процессов. М., 2004.
32. Латынов В.В. Роль дискурса в интерпретации неэтичного поведения// Проблемы психологии дискурса. Отв. ред. Н.Д.Павлова, И.А.Зачесова. М.; Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С.100-113.
33. Латынов В.В., Дмитриев А.В. Социальная коммуникация. Социология. М., «Норма», 2002.
34. Латынов В.В., Латынова Т.Ю. Показ насилия в средствах массовой информации и агрессивное поведение детей. // Психологические исследования дискурса. М., ПЕР СЭ, 2002.

35. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
36. *Павлова Н.Д.* Принцип системности и коммуникативный подход в исследованиях речи и языка // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Отв. ред. Брушлинский А.В., Журавлев А.Л. М., ИП РАН, 2002. С. 69-83.
37. *Павлова Н.Д.* Предвыборные интенции в речи политиков // Психологические исследования дискурса. Отв. ред. Павлова Н.Д., ПЕР СЭ, Москва, 2002.
38. *Павлова Н.Д.* Психология дискурса / Психология XXI века. М., 2003.
39. *Павлова Н.Д.* Интент-анализ дискурса // Теоретические и прикладные коммуникативные исследования. Отв. ред. Стернин И.А., Степанов В.Н. Ярославль, 2003. 0,5 п.л.
40. *Павлова Н.Д.* Интенциональные основания вербальной коммуникации // Вестник РГНФ. 2004. №3. С.187-198.
41. *Павлова Н.Д.* Субъект-субъектная парадигма в теории диалога / Введение в теорию речевого воздействия. Отв. ред. Тарасов Е.Ф. Российский Новый университет. М., 2004.
42. *Павлова Н.Д.* Интерактивный аспект дискурса: подходы к исследованию / «Психологический журнал», т.26, №4. 2005. С. 66-76.
43. *Павлова Н.Д., Алмаев Н.А. Зачесова И.А., Латынов В.В., Шустова Л.А.* Интент-анализ вербальной коммуникации / Проблемы психологии дискурса. Отв. ред. Н.Д.Павлова, И.А.Зачесова. М.; Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С.28-43.
44. *Павлова Н.Д., Григорьева А.А., Пескова Е.А.* Психолингвистика общения: интенциональное пространство предвыборного политического дискурса / Общение и познание (колл. монография). М.; Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 1 п.л. (сдано в печать).
45. Психологические исследования дискурса. Сб. научных трудов. Отв. ред. Павлова Н.Д. М., ПЕР СЭ. 2002.
46. Проблемы психологии дискурса. Сб. научных трудов. Отв. ред. Н.Д.Павлова, И.А.Зачесова. М.; Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
47. *Теория речевых актов.* Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
48. *Ушакова Т.Н., Латынов В.В., Павлова А.А., Павлова Н.Д.* Ведение политических дискуссий. Психологический анализ конфликтных выступлений. Издательский центр «Академия», ИП РАН, 1995.
49. *Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Алексеев К.И., Латынов В.В., Цепцов В.А.* Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. Спб., «Алетейя», 2000
50. *Цепцов В.А.* Композитный тренинг символично-конструктивной деятельности: эмоциональная насыщенность информационного сообщения в СМИ // Психологические исследования дискурса. Отв. ред. Павлова Н.Д. М., ПЕР СЭ. 2002.

51. *Цепцов В.А.* Функция аргумента в принятии решения на переговорах// Вестник РГНФ, № 2, 2004.
52. *Цепцов В.А., Олив Т., Пиола А., Келлогг Р.* Ресурсы рабочей памяти в процессе планирования письменной речи на родном и иностранном языке / Проблемы психологии дискурса. Отв. ред. Н.Д.Павлова, И.А.Зачесова. М.; Изд-во «Институт психологии РАН», 2005, с.165-180.
53. *Цепцов В.А.* Психологическая детерминация общения на переговорах. М.; Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 1 п.л. (сдано в печать).
54. *Шустова Л.А.* Понимание речи детей взрослыми в контексте проблем педагогического общения // Психологические исследования дискурса. Отв. ред. Павлова Н.Д. М., ПЕР СЭ. 2002.
55. *Шустова Л.А.* Особенности педагогической коммуникации в начальных классах /// Теоретические и прикладные коммуникативные исследования. Отв. ред. Стернин И.А., Степанов В.Н. Ярославль, 2003.
56. *Шустова Л.А.* Психологическая готовность участников педагогического общения к диалогу / Проблемы психологии дискурса. Отв. ред. Н.Д.Павлова, И.А.Зачесова – М.; Изд-во «Институт психологии РАН», 2005, с.195-206.
57. *Harre R., Stearns P.* (eds.) *Discursive Psychology in Practice.* 1995.
58. *Hundsnurrscher F., Weigang E.* (eds.) *Future Perspectives of Dialogue Analysis.* Tübingen, 1999.
59. *Potter J.* *Representing Reality: Discourse, Rhetoric and Social Construction.* London, 1996.
60. *Psathas G.* *Conversation Analysis: The study of talk-in-interaction.* London, 1995.